

А. А. ЦЕХАНОВИЧ

СОЧИНЕНИЯ КНЯЗЯ КУРБСКОГО
И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ АНТИКАТОЛИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.
К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Князь Андрей Михайлович Курбский является, бесспорно, одной из самых выдающихся фигур русской истории XVI в. Он известен как крупный государственный и военный деятель своей эпохи и одновременно как автор ярких полемических и исторических сочинений. Не случайно поэтому уже начиная с Карамзина и до наших дней он является объектом неослабевающего внимания исследователей.¹ Однако, несмотря на обилие работ, посвященных этому автору, многие вопросы, связанные с определением его места в истории, остаются нерешенными. Среди прочих к ним можно отнести и вопрос о его месте и роли в религиозной полемике второй половины XVI в.

Еще в XIX в. в отечественной историографии сложилось мнение о Курбском как о борце за чистоту православия в восточных землях Речи Посполитой перед лицом надвигающейся опасности со стороны католической церкви. Однако ни в одном даже серьезном исследовании мы не обнаружим детального анализа полемических сочинений Курбского, и прежде всего анализа их источников. Традиционная историография относит его к одному из главных противников католицизма. Но говорить об «антикатолической» направленности воззрений этого деятеля без установления ее источников не представляется возможным. Проблема установления круга источников антикатолических воззрений Курбского, равно как и традиции, в рамках которой создавались эти сочинения, напрямую связана с проблемой

¹ Краткий обзор деятельности и библиографию работ о Курбском см.: Курбский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. Л., 1988. С. 494—503. При подготовке статьи к изданию не были замечены некоторые пропуски в библиографии, поэтому адресуем читателя к более раннему варианту статьи, содержащему более полную библиографию, за исключением работ, опубликованных позже ее выхода из печати (см.: Гладкий А. И., Цеханович А. А. Курбский Андрей Михайлович // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 73—80.

их поддельности. В частности, один из аргументов Эдварда Кинана (не имеющий, впрочем, под собой достаточно веских оснований) против поддельности «Истории о Великом князе Московском» и других сочинений Курбского основывался на том, что эти сочинения не вписываются в традицию русской книжности XVI в.²

Однако более пристальное рассмотрение антикатолических воззрений Курбского на фоне древнерусской антикатолической полемической традиции позволяет говорить об их прочной связи с этой традицией. Говоря о Курбском как о полемисте, невозможно не коснуться хотя бы вкратце истории древнерусской полемики против католиков. Рассмотрению воззрений Курбского на фоне древнерусской полемической традиции и будет посвящена эта статья.

Антикатолическая традиция имела глубокие корни в древнерусской полемической литературе. Первые антилатинские сочинения появились в ней практически одновременно с принятием христианства и с перенесением корпуса византийских сочинений в русскую письменность. Неоднократные переработки памятников и их использование при составлении новых привели к появлению огромного пласта литературы, имеющего сложную и запутанную схему отношений между различными памятниками. Предметом специального исследования антилатинская полемическая традиция стала в капитальных, не потерявших своего значения до настоящего дня работах А. Попова и А. Павлова.³ Эти авторы предприняли попытку установления взаимоотношений различных русских и, в более широком смысле, славянских полемических сочинений, а также их отношения к византийской традиции.⁴ Оба автора связывали появление таких сочинений на Руси с принятием христианства. Вместе с текстами Священного Писания, памятниками святоотеческой литературы на Русь проникли и те полемические сочинения византийского происхождения, которые возникли еще в период первоначальных разногласий между Восточной и Западной церквями. Ко времени их окончательного разделения в Византии уже был накоплен значительный опыт критики «латинских заблуждений».

Начало целенаправленной полемики греков с Западом традиционно связывается с именем патриарха Фотия. Однако некоторые источники (имеется в виду Псевдо-Фотиево послание) отмечают, что первым обличителем латинских заблуждений был Трульский пятнадцатый собор.⁵ Именно Фотию позднее суждено было придать раз-

² См.: Keenan E. 1) *The Kurbskij — Groznyj Apocrypha: The Seventeenth Century Genesis of the «Correspondence» attributed to Prince A. M. Kurbskij and Tsar Ivan IV.* Cambridge, Mass., 1971; 2) *Putting Kurbskij in his place, or: Observations and Suggestions Concerning the Place of the History of the Muscovity in the History of Muscovite Literary Culture // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte, 1978. Bd 24. S. 131—162.*

³ Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875.

⁴ Сочинение А. Павлова, представляющее собой пространную рецепцию на исследование А. Попова, в большей степени посвящено именно установлению византийских источников русских полемических сочинений.

⁵ Павлов А. Критические опыты... С. 14; Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. 4. СПб., 19...

ногласиям Рима и Византии догматическую окраску. В своем Окружном послании епископам Фотий не только критиковал различие бытовых «уклонения» латинян, но и восставал против *filioque* — впоследствии основного пункта догматических расхождений между церквями. В русской письменности первые критические известия о «латинах» появляются в составе «Повести временных лет», где под 986 г. помещена так называемая «Речь философа».⁶ Смысл этого известия сводится к констатации того факта, что «иже вера (т. е. вера католиков. — А. Ц.) с нами мало розно». Но уже в так называемой Корсунской летописи, помещенной в «Повести временных лет» под 988 г., придается целый ряд обвинений против латинян и строгое предостережение «не принимать же учения от латыни, иже учение развращению».⁷ Такое различное отношение летописи к католической вере объясняется исследователями происхождением обоих памятников. Первый, вероятно, возник на Руси, скорее всего, в начале XI в.⁸ Второй же, по мнению А. А. Шахматова, был составлен не ранее 70-х годов XI в., т. е. именно тогда, когда антилатинская полемика разгорелась в Византии в полную силу. Отголоски этой полемики нашли отражение и в русских памятниках.⁹

Вообще отличительной чертой первоначального этапа славянской полемики против католиков, по мнению некоторых исследователей, было то, что «она велась почти исключительно ик славянами по происхождению», а новокрещенные русские князья и вовсе не понимали смысла разделения церквей.¹⁰

Источниками славянских полемических сочинений, кроме Послания патриарха Фотия, были также Окружное послание константинопольского патриарха Михаила Керулария антиохийскому патриарху Петру (написано в 1054 г.), статья «О фрягах и латинах», помещенная в Номоканон и попавшая через него под таким же названием в славянскую Кормчую,¹¹ а также возникшие на их основе и попавшие в славянских переводах на Русь Послание Псевдо-Фотия к римлянам о Святом духе, Послание Петра Антиохийского к константинопольскому епископу, Послание болгарского епископа Леона об опресноках и др. Эти памятники послужили источниками для первого написанного на Руси антилатинского сочинения. Его автором был грек по происхождению киевский митрополит Георгий (на ка-

⁶ См., напр.: Радцивилевская летопись. ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 41—49.

⁷ Там же. С. 52—53.

⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их историко-культурное значение. М., Л., 1947. С. 72—74.

⁹ Шахматов А. А. Корсунская летопись о крещении Владимира // Сб. статей, посвященных почитаемым академиком и заслуженному профессору В. И. Ламанскому. СПб., 1908. Ч. 2. С. 1029—1153.

¹⁰ Рогов А. И. Отражение в идеологической жизни славян разделения церквей в 1054 г. (XI—XIII вв.) // *Studia Balkanica*. Вып. 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. Проблемы идеологии и культуры. София, 1991. С. 89—91.

¹¹ Эта статья также была опубликована А. Поповым в числе других памятников (см.: Попов А. Историко-литературный обзор... С. 56—69). В печатную русскую Кормчую попали лишь очень немногие полемические сочинения из рукописных Кормчих (см.: Бенешивич В. Н. Древнеславянская Кормчая 14 титулов без толкований. СПб., 1906—1907. Т. 1. С. 117. Шапов Я. Н. Византийское и восточнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 78.

федре с 60-х годов по 1073 г.). В этом сочинении, как и в его источниках, догматические вопросы занимают далеко не главное место, уступая вопросам бытового характера.¹²

В 80-е годы появилось еще одно сочинение, и тоже грека по происхождению, живущего на Руси, митрополита Иоанна II, отличающееся, впрочем, умеренностью в критике латвийцев. Вероятно, тогда уже, т. е. в 80-е годы, появилось и сочинение митрополита Леона об опресноках. А. Павлов относит его создание к началу XI в.,¹³ однако перелатировка времени существования переяславской митрополии позволяет отнести его к 70—80-м годам XI в.¹⁴ Совершенно в духе митрополита Георгия написаны два сочинения еще одного киевского митрополита греческого происхождения Никифора I (1104—1121 гг.): Послание Владимиру Мономаху, недоумевавшему по поводу разделения церквей, и Послание владимирово-вольинскому князю Ярославу Святополчичу, в землях которого жили поляки-католики. В них наряду с действительными догматическими расхождениями Восточной и Западной церквей излагаются и различия нелепого фантастического характера (например, звериные имена католиков, поедание ими мертвечины и пр.).¹⁵

Полемические сочинения греческих авторов, возможно, и не заслуживали бы в рамках данного исследования столь пристального внимания, если бы они не определили собой, на многие века, суть и содержание всей славянской полемической традиции. Уже первое собственно русское сочинение полемического характера, «Слово о вере крестьянской и латыньской» (само название предполагает исключение католицизма из христианской религии), авторство которого, по мнению И. П. Еремия, принадлежит Феодосию Печерскому,¹⁶ отличается той же непримиримостью, что и современные ему сочинения византийского происхождения. В «Слове» Феодосия Печерского обнаруживается весь запас обвинений греческих полемистов против католиков. Среди этих обвинений, например, такие: «ядять со псы и кошками», «шпоть бо свой сечь», «ядять желны и дикне копы, и ослы, и удавленнику, и мертвечину, и медведицу, и бобровицу, и хвост бобров», «а пискуты их наложивши держать и на войну ходят».¹⁷ Полный список обвинений в адрес католиков состоит из восемнадцати пунктов, но только в последнем из них предьявляется главное из них — «а глаголют Духа свяятаго исходяща от Отца и от Сына».¹⁸ Очевидно, тот факт, что наиболее важное для судеб обеих церквей догматическое положение об исхождении Святого духа помещено в самый конец этого перечня, свидетельствует о том, что автор, как, вероятно, и его окружение, не совсем

¹² Павлов А. Критические опыты... С. 40—43. Попов А. Историко-литературный обзор... С. 46—50.

¹³ Павлов А. Критические опыты... С. 31.

¹⁴ Poppe A. Papiwo i kościol na Rusi w wieku XI. Warszawa. 1968. S. 165—166.

¹⁵ Макарий. История русской церкви. Изд. 3. СПб., 1889. Т. 3. С. 336—341.

¹⁶ Еремий И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. 5. С. 159—184.

¹⁷ См.: Попов А. Историко-литературный обзор... С. 70—81.

¹⁸ Там же. С. 81.

ориентировался в тонкостях догматического спора и не видел реального смысла в разделении Церквей. Как отмечает А. И. Рогов, ни в одном из памятников славянского происхождения середины XI в. мы не найдем сколько-нибудь непосредственной реакции на сам факт схизмы. «Ни летописи, в том числе и Повесть временных лет, ни исторические хроники славянских народов нигде и никак, ни единым намском не отметили 1054 год не только как значительное событие, ни и вообще не упомянули о нем».¹⁹

Первое осознание латиняи врагами связано с усилением интереса римско-католической церкви к Руси и с началом немецкого проникновения на русские земли. «С середины XII в. наблюдается более энергичное проникновение католического духовенства на русские земли, как на северо-западе, так и на юге».²⁰ Реакция на это проникновение не заставила себя ждать. А. И. Соболевский по этому поводу отмечает: «Можно считать несомненным тот факт, что во второй половине XII в. патриарх Византии восторжествовал и все надежды римского папы привлечь на свою сторону русских рушились. Русские признали разделение церквей вполне обоснованным и необходимым. Отношение их церкви к латиняи выразилось в наставлении новгородского епископа Нифонта своему духовенству — присоединять латиняи по второму чину, через помазание, — как еретиков».²¹

Однако в письменности это событие отражения не нашло. Вообще вплоть до Флорентийского собора 1439 г. в славянской полемической литературе не появилось ни одного нового оригинального или переводного сочинения против латиняи. Вплоть до XV в. продолжали бытовать одни и те же памятники и их многочисленные переделки, из которых на славянской почве составлялись сборники различного содержания. Новый этап в развитии полемики против католиков связан с Флорентийским собором. Именно в это время в южнославянских землях составлялись различные сборники полемического содержания, которые затем переходили и к восточным славянам.²²

Два южнославянских сборника конца XIV—начала XV в., описанных А. Поповым, представляют собой наиболее полные собрания бытовавших на Руси сочинений против католиков и позволяют судить о репертуаре полемической литературы от XI до XV в.²³ В состав этих сборников, как правило, входят, кроме уже отмеченных выше (Окружное Послание патриарха Фотия, Послание Михаила Керулария антиохийскому патриарху Петру, статья «О фрязах и латиняи», Послание Псевдо-Фотия к римлянам о Святом духе, Послание Петра Антиохийского к венецкому епископу, Послание болгарского епископа Леона об опресноках), следующие сочинения, перешедшие из них в сборники более позднего происхождения:

¹⁹ Рогов А. И. Отражение... С. 88.

²⁰ Радль Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.; Л., 1959. С. 81.

²¹ Соболевский А. И. Отношение древней Руси к разделению церквей: (Речь, читанная в торжественном собрании имп. Академии наук. VI сер. 1914. № 2. С. 102.

²² См.: Попов А. Историко-литературный обзор... С. 106.

²³ Там же. С. 106—128.

«Сказание вкратце, како и коего ради дела отлучишася от нас латиши»; «Поучение седми собор на латину»; «Низгы Стифата к латинюм о опресноцех»; «Слово об отпадении латин» и зависящая от него «Повесть о латынх, когда отлучишася от грех и святых божия церкви, и како пообретоша себе ереси, яже опресночная служити и хулу, яже на духа святого». Эти сочинения определили собой содержание более поздних сборников антикатолической направленности. Их широкому распространению способствовало включение их в состав Тактикона Никона Черногорца, известного в славянском переводе по рукописям с XIV в. Из Тактикона эти сочинения попали в славянскую Кормчую.²⁴

Приблизительно с начала XV в. в славянской традиции появляются новые памятники полемической литературы. Получают распространение сочинения знаменитых греческих полемистов Григория Паламы и Нила Кавасилы, переведенные на Афоне на сербский язык сразу же после их возникновения.²⁵ О широком их распространении в восточнославянской традиции (и прежде всего на Украине и в Белоруссии) свидетельствует и Курбский, сообщая во втором Послании Кузьме Мамоничу о том, что по просьбе князя Константина Острожского сочинения этих авторов были доставлены с Афона в Острог.²⁶ О них он вспоминает и в своей «Истории о осьмом соборе».²⁷

Первым после длительного перерыва сочинением антикатолической направленности, возникшем на русской почве, было Слово митрополита Григория Цамбляка «Како держать веру немци». Представляя собой попытку комплиментного изложения более ранних сочинений, оно тем не менее знаменует собой новый подход к проблеме разделения Церквей. Порядок предъявления обвинений в этом памятнике отличен от предшествующих. Вопрос об исхождении Святого духа стоит в нем не на последнем, как в ранних сочинениях, а на первом месте.²⁸

На события, связанные с Флорентийским собором, русские полемисты откликнулись составлением двух получивших широкое распространение памятников: повести Симеона Суздальца «Како римский папа Евгений состави осмый собор со своими единомышленники» и комплиментного сочинения «Слово избрано от Святых писаний, еже на латиню».²⁹

Первое сочинение, написанное очевидцем и основанное на конкретных событиях, является сочинением историко-полемическим, и богословские вопросы в нем освещены в связи с событиями Флорентийского собора. Второе является более традиционным, по структуре и содержанию оно ближе к памятникам, входящим в состав полемических сборников XIV—XV вв. Основное отличие от

²⁴ См.: Розенкампф Г. А. Обращение Кормчей книги в историческом виде. М., 1878. С. 250.

²⁵ См.: Попов А. Историко-литературный обзор... С. 296—315.

²⁶ См.: РНБ. 1914. Т. 31. Стб. 428.

²⁷ Там же. Стб. 482.

²⁸ См.: Попов А. Историко-литературный обзор... С. 325.

²⁹ Там же. С. 336—393.

ных состоит в том, что в него внесены грамоты митрополита Исидора.³⁰

Отличительной чертой русской полемической литературы XI—XV вв. было то, что основная часть сочинений греческого происхождения приходила на Русь в болгарских и сербских переводах. Приходили они прежде всего в составе сборников полемических сочинений. Наиболее ранние известные сборники такого содержания известны как раз по сербским и болгарским спискам.³¹ Культурное единство православных славян обусловило их беспрепятственное хождение на восточнославянских землях.

Западная Русь, где общественно-политическая и религиозно-культурная ситуация способствовала оживлению интеллектуальной жизни, проявляла особенный интерес к полемической литературе антикатолического содержания. Этот интерес вполне объясним ввиду того, что православие на западнорусских землях оказалось в кризисной ситуации. В условиях мощного натиска протестантизма и возросшего интереса к Руси со стороны папского престола естественным был рост интереса к идеологическим основам православия. Именно во второй половине XVI в. здесь наблюдается стремление к обновлению книжного фонда за счет получения из Москвы тех фундаментальных для православия сочинений, которые или отсутствовали в Западной Руси, или обрабатывались в испорченных или неполных списках.³²

Именно в это время в Западной Руси создаются сборники полемического содержания, неоднократно переписываются и переделываются, отражая живую реакцию образованной части клира и светского сословия на сложившуюся ситуацию.

А. Н. Попов, продолжая начатое им исследование памятником полемической литературы, обратил внимание на сборник полемического содержания, хранящийся в Российской Национальной библиотеке.³³ Сборник был составлен в 1580 г. в Супрасльском монастыре.

Открывается сборник двумя сочинениями аггитиудейского содержания. Первое из них — житие Григория Омиритского, содержащее в себе изложение прений с иудейским законопиком Евваном. Судя по обиходу западнорусских списков этого памятника, он получил особенно широкое распространение в Западной Руси начиная с середины XVI в. Несмотря на то, что рукописная традиция этого памятника не изучена, очевидным является тот факт, что такое широкое распространение памятника связано с актинизацией аггитиудейской полемики в западнорусских землях. Второе сочинение

³⁰ Там же. С. 359.

³¹ Там же. С. 328—331.

³² О нескольких миссиях в Москву, организованных из Литвы с целью получения необходимой литературы для ее дальнейшего распространения в западнорусских землях см., напр.: *Абрамович Д. И.* К литературной деятельности миссиа каменишнина Исидора. СПб., 1913. С. III.

³³ См.: *Попов А.* Обязательные списания против жидов и латвий по рукописи ими. Публичной библиотеки 1580 г. // *ЧОИИДР*, 1879. Кн. 1. С. I—XII, I—41. Описанный им сборник хранится в Погодинском собрании, в Отделе редкой книги, и выделен из рукописного собрания, поскольку к нему прилеплен фрагмент единственного известного печатного Евангелия Василия Тяпинского.

называется «Другая книга. Особное мовсие до жидов под короткими словы от всех пророк о Христе. Помочь до Ервана». Источники этого сочинения, как показал А. Попов, находятся в Толковой Палесе.³⁴

После этих двух памятникон следует, без отдельного общего заглавия, несколько полемических статей антикатолического содержания. Эти статьи представляют собой как редакции известных ранее памятникон (впрочем, значительно дополненные и переработанные на западнорусской почве), так и неизвестные ранее.³⁵

После сочинений антикатолического содержания следует (также без отдельного заглавия) ряд небольших сочинений против протестантов, а вслед за ними — статья «О Махмете, от кого он и яко, и яким обычаем к тому пришол, закон бусурменьский турком заложил» (статья заимствована из Всемирной хроники Мартина Бельского). Ничего удивительного в появлении сочинения антиисламского содержания в этом сборнике нет, если принять во внимание ту угрозу, которую представляла собой Турция в XVI в. для Европы.

Совмещение памятникон антииудейской и антикатолической полемики в рамках одного сборника не случайно. Ведь уже во второй половине XII в. в русской церкви укрепилось правило, выраженное в наставлениях Нифонта духовенству, в соответствии с которым присоединять католиков следовало по второму чину, через помазание, т. е. как еретиков.³⁶ Католичество, таким образом, рассматривалось православными как ересь. А если принимать во внимание не лишь общее основание мнения, высказанное Я. Холуэтт, в соответствии с которым по традиции, ведущей свое начало, через Иоанна Дамаскина, еще от Епифания Кипрского, «все ереси, родившиеся после победы христианства, имеют архетип в иудаизме, т. е. все ереси после III в. н. э. виноваты в ... жи́довствовании»,³⁷ то вполне объяснима эта тенденция к совместению как антикатолических, так и антииудейских сочинений в рамках одного сборника.

Курбский не остался в стороне от общей тенденции. В своем «Ответе о правой вере» он говорит о том, что «свеси бо, плече рску князячю, по волнессии Христове, сопротивляяся апостолом и святым всем, и поднесь беспрестани на соборшцах их умышляючи, портят словеса священная, в Моисси лежащая и во пророцех их, предирсаченное о Христе нашем».³⁸ В этом отрывке явно идет речь о деятельности масоретов, направленной на извлечение из Священного Писания христологических моментов Ветхого Завета. Впрочем, эта тема не может быть рассмотрена в рамках данной статьи и является предметом нашего отдельного исследования.

³⁴ Там же. С. IV.

³⁵ Там же. С. II.

³⁶ См.: Соболевский А. И. Отношение древней Руси... С. 81.

³⁷ Холуэтт Я. Р. Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «новгородских еретиков жидовская мудрствующия» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 53—73.

³⁸ Сочинения князя Курбского... РИБ. Т. 31. Стб. 402.

Близок к этому сборнику по содержанию и по направленности и сборник из Библиотеки Михайловского монастыря в Киеве (№ 11656), указанный Н. И. Петроном.³⁹ Судя по всему, он также был составлен в Супрасьском монастыре и приблизительно в то же время, что и предыдущий. Содержание его во многом совпадает с содержанием Погодинского сборника, однако в нем читается одна новая статья, озаглавленная «Беседа христианина с жидом». Составители этого сборника пользовались, кроме Палси, переводным с греческого сочинением «Иаков Жидовин», содержащем наставление новокрещенного еврея о том, что Христос есть истинный пришедший в мир Мессия.⁴⁰

Близок по тематике к этим двум сборникам и сборник бывшей Виленской Публичной библиотеки (№ 269), описанный Ф. Добрянским.⁴¹ Е. Ф. Карский отнес его к тому же типу, что и предыдущие сборники.⁴² Но это не совсем верно, так как собственно антииудейских сочинений там нет. Однако антииудейская тема присутствует в нем также и звучит внутри антикатолических и антипротестантских сочинений, что позволяет говорить о более выраженной тенденции выводить «латинскую ересь» из иудаизма.

Подобный же сборник западнорусского происхождения обнаружен нами в Погодинском собрании рукописей Российской Национальной библиотеки (№ 1211). В нем также отсутствуют специальные антииудейские сочинения, но сама антииудейская тема звучит здесь, как и в вышеуказанном сборнике, внутри сочинений антикатолического и антипротестантского содержания.

Вообще антииудейская тема содержалась имплицитно уже в ранних памятниках антилатинской полемики. Одно из классических обвинений, предъявлявшихся ранними греческими и славянскими полемистами католикам, состояло в использовании ими отпесноков во время литургии, что рассматривалось православными идеологами как следование иудейскому обычаю.⁴³ То же самое относилось и к соблюдению католиками субботнего поста.⁴⁴ А в одном из ранних славянских списков Послания Михаила Керулария Петру Антиохийскому перечню всех классических обвинений в адрес католиков озаглавлен одним общим названием: «Сътворяют убо жидовствующе сущь сия».⁴⁵ Источником такого утверждения послужил, скорее всего, один из традиционных ранних памятников антикатолической полемики — «Слово о немецком прелъщении, како научи их Гутншый Петр». Это Слово отражает широко распространенное в Византии предание о том, что вначале ересей в Западной церкви восходит ко времени Симона Волхва: «Постытея, елико субот, а преляти от жидов

³⁹ *Петров Н. И.* Западнорусские полемические сочинения XVI в. // Труды Киевской духовной академии. 1882, № 2. С. 183.

⁴⁰ Там же. С. 34—35.

⁴¹ *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. С. 459—460.

⁴² *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Ч. 2. Старая западнорусская письменность. Петроград, 1921. Т. 3. С. 183—186.

⁴³ См.: *Попов А.* Историко-литературный обзор... С. 35—40.

⁴⁴ Там же. С. 34—35.

⁴⁵ Там же. С. 47—50.

и от учених Симона Волхва: жидове бо постятся в субботу и ученици Симона Волхва».⁴⁶

Эта же тема присутствует и в распространенном еще в ранней полемике известии о Карле Великом (чаще всего входившем в состав широко распространенной «Повести о латынх, когда отлучишася от грек» и ее многочисленных переделок).⁴⁷ Реальные события, ознаменовавшие собой слияние духовной и светской власти в Священной Римской империи, нашли у греческих авторов отражение в виде предания о том, что папа Лев и римская курия «послаша и призваша от запада Карула, князя латыньскаго, мняще, яко православна суша и христаннина в благочестии. И сий же прииде в Рим..., приидоша же с ним от западных латын и юнии и священници же и учителя, иже скранныю съдержашу веру Ариану и Македонисву и втайне учаще люди божия опресночная служили... И тако оста Карул в Риме, точию Леове папе сих не ведущу ереси. Абие сии начаша с Карулом разиравати люди в Риме и учити своим ересем».⁴⁸ Вне всякого сомнения, что в этом сочинении нашли отражение события, связанные с окончательным закреплением Карлом Великим тех догматов, которые послужили вскоре после этого основанием для раскола церкви.

«Еретичность» Карла в данном списке объясняется его приверженностью ересям Ария и Македония. К сожалению, текстологическая традиция этого сочинения не изучена, а соотношение разноречивых списков, содержащих в том или ином виде это сочинение, не установлено. Тем не менее в некоторых западноевропейских списках более позднего происхождения встречается несколько иное объяснение факта «еретичности» Карла. Так, например, один из сборников Погодинского собрания Российской Национальной библиотеки содержит эту легенду в переработанном виде, где она звучит так: «Скоро по том, егда себе римляне новаго царя от фрягских рип, сиречь князей, именем Карула избрали, — тако бо французове князей своих „рипы“, нарицаху, — и... онаго Карула иноземца на царство римское постыщили, онже греческим законом от папы Льва всенчан бысть, по примесив законы еврейския к греческому — не ведати, которым помыслом».⁴⁹ В отличие от списка, опубликованного А. Павловым, список из Погодинского собрания объясняет еретичность Карла тем, что помазан на царство он был «примесив законы еврейские к греческому».

Имя Карла Великого (Карула, или, по некоторым спискам, Калтура) упоминается и в программном сочинении Курбского — в его «Опъете Ивану многоученому о правой вере». Здесь Курбский излагает содержание легенды о Карле Великом, однако основное отличие его изложения от известных нам других вариантов состоит в обвинении Карла во введении *filioque* в богослужение римской церкви. «Калтур же ваш, от Галат приидеши с премудрецы своими...

⁴⁶ Там же. С. 24.

⁴⁷ Там же. С. 179—180.

⁴⁸ Там же. С. 180.

⁴⁹ РНБ. Погод., № 1211. Л. 75.

прельстившаяся, подобаяся Макидонию... и, явно приложив ко древнему богословию, во святом символе Духа святого и от Сына глаголет исходити и, на послушенство смлочи, развращенне толкует евангельские словеса, яко Христос, рече, глагола посылати Духа, и апостол Петр рече излиятися Христу Духа, прием от отца.⁵⁰ Такая трактовка естество совпадает с многочисленными ее вариантами, содержащимися в полемических сборниках, несмотря на то что они представляет собой ее краткое резюме.

В приведенном отрывке вызывает интерес употребление Курбским географического названия «Галаты», встречающегося и в описанных выше сборниках. Это название, в разных его формах, не раз привлекало внимание исследователей. В свое время Н. Е. Андреев, изучая дело Висковатого⁵¹ и занимаясь исследованием авторства приписок в Лицевом своде Ивана Грозного,⁵² обратил внимание на слова митрополита Макария, адресованные Висковатому: «Говориши, де, и мудрствовать о святых иконах их гораздо. То мудрование и ересь галатских еретиков».⁵³ Пытаясь объяснить, кем были эти «галатские еретики», Андреев предположил (ввиду важности для нас этого объяснения позволим себе привести его полностью): «Автор настоящей работы, в свое время изучавший вопрос о деле дьяка Висковатого в рамках своей докторской диссертации, касавшейся протестантской полемики в Древней Руси, не смог найти об этой ереси („галатской“ — А. Ц.) никаких сведений. Запрошенные специалисты по истории церкви или не смогли дать ответа из-за отсутствия данных, или, как С. С. Безобразов, пытались построить гипотезу, что Макарий имел в виду тех „галатских лжеучителей“, с которыми боролся апостол Павел в своем Послании к галатам: сказать „галатские еретики“ значит бы изобличить, в иудейском духе. Но если бы Макарий хотел действительно бросить тень на Висковатого именно в этом направлении, вероятно, он назвал бы его просто „жидовствующим“. Скорее прав Г. А. Острогорский, считавший, что, может быть, и не следует доискиваться определенного смысла в этом обвинении Макарием Висковатого. Не беда, если указанной ереси никогда не существовало, — ссылка на нее выполняла другую функцию, переводя Висковатого из обвинителей в обвиняемые».⁵⁴

Возможность подобного толкования «галатской ереси» допускал и Я. С. Лурье в своей статье об Иване Висковатом и «Словаре древнерусских книжников»: «Обвинение не вполне понятное — вероятно всего, речь идет об иудео-христианах, с которыми спорил апостол Павел в Послании к галатам».⁵⁵

⁵⁰ См.: РИБ. Т. 31. Стб. 365.

⁵¹ Андреев Н. Е. О деле дьяка Висковатого // *Seminarium Concordavianum*. Prague, 1932. V. С. 195, 223.

⁵² Андреев Н. Е. Об авторстве приписок в Лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. М., Л., 1962. Т. 18. С. 134.

⁵³ Цит. по: Андреев Н. Е. О деле дьяка Висковатого... С. 223.

⁵⁴ Андреев Н. Е. Об авторстве приписок... С. 134, примеч. 115.

⁵⁵ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. А—К. Л., 1988. С. 139.

Безусловно, как отмечает Н. Е. Андреев, ссылка на ересь переводила Висковятого из обвинителей в обвиняемые. Но мог ли Макарий быть настолько небрежным в выборе терминов и мог ли он настолько формально относиться к понятиям, которые были принципиально важны для средневековой Руси и от которых часто зависели людские судьбы? Вероятно, все-таки ключевые понятия имели совершенно определенный смысл и подразумевали совершенно конкретные вещи. Н. Е. Андреев сам указывает на то, что для обвинения в иудейском духе Макарий, скорее всего, воспользовался бы термином «жидовствующий».

Этимология термина «галаты» уводит нас в римскую Галлию. Именно таким термином в ранней византийской литературе обозначали жителей Галлии, о чем свидетельствует, например, репешевизантийский историк Приск, именующий Галлию Западной Галлятией.⁵⁴ И это совпадение не случайно. Ведь тот малоазийский иждо, среди которого апостол Павел вел свою проповедь, представлял собой потомков кочевой ветви древних галлов, переселившихся в Малую Азию. Поселившись на новом месте и в какой-то мере ассимилировавшись с местным населением, они, тем не менее, оставили свое самоназвание, закрепившись в греческом языке. На протяжении многих веков малоазийская область, известная как Галлятия, неоднократно меняла свои границы, что приводило к путанице еще у древних. Еще большая путаница, как видно, происходит из смешения двух разных географических областей, штывавшихся в византийской традиции одним и тем же именем. В одном из рукописных сборников Российской Национальной библиотеки, состоящем из четырех отрывков разных рукописей, в отрывке начала XVII в., содержащем слово Никиты Стифата к латинам об опресноках, читается следующее сообщение: «У Авраама были четыре сына: Измаил от Агары, Мадиям от Хетуры, Исаак от Сарры. От Лота два сына: Аммон от старейшие дщери, а от меньшие Моав. Про то ж от Агары агаряне, от Измаила измаилтяне, от Хетуры хетуряне, от нихже фрязи. Фрягом же имя есть галате, к нимже рече Павел: „О, галате, кто вы соблазнить на смущение вере?“ Соблазнят же Петр Гутнимый? А потом нарекошася латина...»⁵⁵

Из контекста сообщения Курбского о Карле Великом, который, «от Галат пришедши с премудрещы своими», установил новые правила богослужения в римской церкви, видно, что под этим названием имеется в виду Франкское королевство. Известно, что, короновавшись на трон Священной Римской империи, Карл пригласил к своему двору не только галло-римских администраторов, но и франкских богословов, среди которых был и известный Алкуин.⁵⁶ Усиление власти Шарлеманя сопровождалось закреплением догматических разногласий между Восточной и Западной церквями. По-

⁵⁴ См.: Удалова Э. В. Идеологическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1971. С. 141.

⁵⁵ РНБ, Попол., № 1560. Л. 36 об.

⁵⁶ Wallach L. Alcuin and Charlemagne: Studies in Carolingian History and Literature. New York, 1959. P. 139, 143; David M. La souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IX au XV s. Paris, 1954.

литическое соперничество находило отражение в идеологии. Споры о *filioque* и об опресноках составили основу полемических сочинений византийских богословов. Взаимоотношение произведений греческих авторов и их славянских переводов, несмотря на фундаментальное исследование А. Павлова, на сегодняшний день не установлено, поэтому говорить о непосредственных источниках такого словоупотребления в славянских сочинениях пока не представляется возможным.

Ясно одно, что Курбский позаимствовал название «Галаты» из одного из таких сочинений, и имел он в виду, конечно же, (франкских (галльских) богословов.

Естественно, напрашивается вывод о том, что и Макарий, употребляя термин «галатская ересь», имел в виду ересь, идущую с католического Запада, и в данном случае мы можем отождествить эту ересь с «латинством», т. е. с католичеством. Несмотря на кажущуюся парадоксальность обвинения Макария в адрес Висковатого, оно имеет под собой вполне конкретную основу. Ведь Иван Висковатый, в отличие от Макария, осознавал разницу между древней традицией иконописания, утвержденной соборами, и иконописной практикой XV—XVI в., в какой-то мере отражавшей те латинские веяния, которые ощущались в Новгороде в конце XV в., когда новгородским епископом был Геннадий, известный своими связями с католической Европой.⁵⁹

Материалы дела Висковатого позволяют уточнить, что именно имел в виду Макарий, предостерегая Висковатого — «не попадися и сам в еретикы». ⁶⁰ Поскольку на Соборе, рассматривавшем его дело, ему пригрозили, что отлучат его от церкви, если «укинешь паке зле мудрствовати или развращати народ по прежнему своему сумнению, забыв страх Божий и свое покаяние», ⁶¹ то можно предположить, что поводом для обвинения в «галатской ереси» могло послужить пристрастие Висковатого к публичному обсуждению тонкостей церковной идеологии. На Москве чрезмерного мудрствования не любили.

Подробный анализ структурных элементов богатой «ангилатинскою» полемической традиции, перенесенной на Русь из Византии и хорошо прижившейся, в силу обстоятельств, на русской почве, позволяет проследить генетическую связь между ранними и поздними сочинениями, их эволюцию в соответствии с конкретными условиями.

Сочинения Курбского, содержащие обвинения в адрес католиков, полностью вписываются, несмотря на их индивидуальный характер, в эту традицию. Они, по сути, представляют собой одно из многочисленных звеньев в переработке первоначальных текстов памятков полемической литературы.

⁵⁹ См.: *Седельников А. Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в. // Доклады АН СССР. Сер. Я. 1929, № 1. С. 16—19; *Лурье Я. С.* К вопросу о «латинстве» Геннадийского литературного кружка // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 68—77.

⁶⁰ Цит. по: *Андреев Н. Е.* О «деле дьяка Висковатого»... С. 195.

⁶¹ Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного. ЧОИДР, 1847. Кн. III. С. 17.